

ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ¹

АЛТМАЕВ Н. А., Институт психологии РАН, Москва

ДОРОДНЕВ А. Б., Институт психологии ГУПН, Москва

МАЛКОВА Г. Ю., Институт психологии РАН, Москва

Настоящая работа посвящена исследованию психологических особенностей описания травматических событий, проведенного на основе сравнительного анализа выборки из 102 незрячих и контрольной выборки зрячих испытуемых. В процессе предварительного изучения автобиографических рассказов незрячих о самом запомнившемся событии жизни выделены контент-аналитические категории, предположительно регистрирующие наличие психологической травмы. К ним относятся: упоминания и описания потери зрения, упоминания и описания тяжелых утрат, упоминания и описания стрессов, а также упоминания положительного и отрицательного развития отношений с близкими, позитивных и негативных эмоций, аффилиации, фрустрированной аффилиации, самоподбадривания и поглощающих состояний. Все испытуемые заполняли также опросник Темперамента и характера Клонинджера. В ходе исследования были обнаружены существенные гендерные различия как по особенностям описания травмы, так и по результатам опросника. Наиболее важной переменной, опосредующей процесс вербализации травматических состояний для обеих выборок, оказалось «самопринятие» по Клонинджеру. Если для мужчин травма означает сенсбилизацию и не несет позитивного содержания, то для женщин травма – стимул к проявлению аффилиации. Представления ряда авторов о комплексах Икара и Деметры–Персефоны представляются перспективными для дальнейшего понимания обнаруженных различий. Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что упоминание и описание потерь, травм, негативного развития отношений с близкими людьми и самоподбадривание могут считаться признаками травматизации, в то время как упоминания и описания стрессов, завершившихся благополучным исходом, не являются таковыми.

Ключевые слова: контент-анализ, опросник Клонинджера, незрячие, гендерные различия, комплекс Икара, комплекс Деметры–Персефоны.

Анализ речевой продукции – один из основных исследовательских методов в изучении психотерапевтической, психолого-консультативной и психиатрической практики. Содержание речевой продукции исследуется на материале психотерапевтических сессий (начиная с Laswell, 1935; например, см.: Люборски, 1996, Хоровитц, 1996 и др.), рассказов по картинкам ТАТ (начиная с Murray, 1943 и др.) и иным стимульным материалам подобного рода (например, см.: Winter, 1973), автобиографических рассказов (Gottschalk, Gleser, 1969; Додонова 1988; Ласко, Резвицкая, 1975 и др.).

Со времен Фрейда известно, что очень часто психологическая травма оказывается «вытесненной» из сознания. Связанные с травмой стрессорирующие переживания не тематизируются в речи напрямую, однако могут находить свое выражение косвенно, через более частое упоминание некоторых тем. Травма потери зрения является одной из самых тяжелых, которые только могут произойти в жизни человека. В отличие от психологических травм раннего детства, наличие и характер которых весьма трудно установить объективно, травма потери зрения несомненна, ее последствия сопровождают человека всю жизнь.

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ № 08-06-00398 и гранта Президента РФ № МК-2980.2007.6.

Стресс от этой травмы также является одним из самых сильных, и справиться с ним, преодолеть его последствия и адаптироваться к жизни в новых условиях – одна из самых трудных для человека задач. Соответственно, систематическое изучение речевой продукции лиц, переживших эту травму, совладающих со стрессом и адаптирующихся к новой жизни, может иметь существенное значение для понимания процессов сенсбилизации личности травмой, совладания со стрессом и адаптации вообще. Иначе говоря, те особенности автобиографических рассказов, систематические проявления которых будут обнаружены в исследованиях группы незрячих, могут быть характерны и для других лиц, в той или иной степени подвергшихся стрессующему воздействию сильных травм и пытающихся адаптироваться к изменившимся условиям жизни.

Другой важной проблемой психодиагностики является соотношение результатов контент-аналитических и опросниковых текстов. Как было выяснено в ходе эмпирического исследования, их результаты зачастую не соотносятся напрямую, хотя и находятся в очевидной связи (Малкова, Алмаев, 2006). Весьма вероятно, что на различных группах характер связей между результатами опросниковых и контент-аналитических методик будет различным и, возможно, выборка незрячих поможет прояснить общие принципы, которым подчиняются эти связи.

Наконец, отдельной задачей является усовершенствование методов контент-анализа, которое позволило бы эффективно изучать структуру рассказа, измерять психологическое содержание текста надежно и независимо от таких побочных факторов, как, например, величина сообщения. Эти вопросы при их, казалось бы, «техническом» характере имеют первостепенное значение.

Методика

Выборка состояла из 102 инвалидов по зрению – 45 женщин и 57 мужчин. Средний возраст женщин составлял 43,1 года, средний возраст мужчин – 40,5 лет. При этом зрение без остатка утрачено у 31 женщины, у 16 из них с рождения, и у 28 мужчин, у 12 из них с рождения. Формулировка «с рождения» относится к наличию заболевания, но не означает, что человек всегда был тотально слепым. Формулировка «без остатка» относится к состоянию на момент обследования. У остальных 14 женщин и 29 мужчин сохранялось остаточное зрение, при этом 4 женщины и 8 мужчин имели заболевание с рождения.

На основании предварительного изучения нескольких десятков автобиографических текстов инвалидов по зрению была разработана система контент-аналитических категорий, по которым проводился анализ текстов тех, кто подвергся этой (или схожей по силе воздействия) психологической травме, и их отличий от текстов контрольной выборки.

1) Упоминания о травме (УТ): любые референции к потере зрения субъектом – «после того, как я ослеп» и т. п.

2) Обстоятельства потери зрения (ООПЗ): описания обстоятельств потери зрения – «мне сделали операцию, она оказалась неудачной» и т. п.; кодировка ставится после каждого предложения в описании.

3) Негативные эмоции (НЭ): ужас, кошмар, несчастье, безнадежность и т. п.

4) Позитивные эмоции (ПЭ): «все хорошо», счастье и т. п.

5) Поглощающие состояния (ПС): упоминания или описания деятельности или пассивного состояния, захватывающих человека целиком или в максимальной степени. Сюда относятся: а) освоение новых умений, знаний, навыков – активные ПС; б) поглощающий

контакт с природой, музыкой, собственными фантазиями – пассивные ПС. ПС не относятся к описаниям травмы и к описаниям потери зрения; кодировка ставится после каждого законченного предложения.

6) Самоподбадривание (СП): «нужно дальше жить», «жизнь не кончена» и подобные суждения.

7) Близкий человек – позитив (БЧП): продуктивно развивающиеся отношения с близким человеком – супружество, рождение ребенка, упоминания счастливой жизни и т. п.

8) Близкий человек – негатив (БЧН): разрыв, скандалы, тяжелые проблемы с близким человеком, но не смерть близкого человека. Смерть близкого человека кодифицируется как «иная травма, утрата» (У).

9) Аффiliation (АФ): упоминание о проявлении внимания, заботы от другого человека.

10) Отсутствие ожидаемой аффiliation (АФН): упоминание о том, что другие люди не обращают на субъекта внимания, ведут себя бесчувственно, не проявляют заботу и т. п.

11) Стресс (С): упоминание о том, что было для человека стрессом, но обошлось без необратимых последствий.

12) Описание стресса (ОС): описание стресса; кодировка ставится после каждого предложения в описании.

13) Иная травма (У): утраты, потери чего-либо ценного, но не зрения – близких людей, питомцев, дорогих в любом отношении вещей, каких-либо способностей.

14) Описания иной травмы (ОИТ): описания обстоятельств утраты, смерти близкого человека и т. п.; кодировка ставится после каждого предложения в описании.

Все инвалиды по зрению получили инструкцию описать самое запомнившееся в жизни событие (инструкция Готтшалка). Далее выборка текстов, полученная по данной инструкции, будет обозначаться как «взрослые тексты». 82 человека получили также дополнительную инструкцию описать самые ранние детские воспоминания (инструкция Адлера) – далее «детские тексты» – и ответить на вопросы, что их радует и что печалит в жизни.

С целью выяснения речевого поведения незрячих было проведено сравнение с группой зрячих, для чего использовалась выборка, описанная ранее в работах авторов настоящей статьи (Алмаев, Малкова, 2006) и др. Было отобрано 82 пары текстов («взрослые», «детские») зрячих таким образом, чтобы обе выборки соответствовали по полу и возрасту. Тексты зрячих были проанализированы по тем же категориям, что и тексты незрячих, за исключением упоминаний о травме и описаний обстоятельств потери зрения.

Результаты сравнения двух групп (зрячих и незрячих) были обработаны по формуле Готтшалка и Глезер (1969):

$$A = \sqrt{((f_1 + f_2 + \dots + f_n + 0,01) / N) \times 100},$$

где А – сила аффекта, измеряемая по тексту,

f₁, f₂, f_n – высказывания, относящиеся к каждой из контент-аналитических категорий,

N – число слов в тексте.

Все испытуемые отвечали на вопросы личностного теста Клонинджера, адаптированного на русскоязычной выборке (Алмаев, Островская, 2005).

Гипотеза исследования: наличие в речевой продукции (текстах) травматических содержаний обусловлено как объективными факторами – тяжестью и длительностью травмы, возрастом, так и субъективными – личностными чертами.

Результаты и их обсуждение

В среднем рассказы незрячих были существенно короче рассказов зрячих: 155 слов против 322; в особенности это касалось текстов незрячих мужчин. По наблюдениям Готтшалка и Глезер (1969), предложенная ими формула не может адекватно применяться к текстам размером менее 250 слов. Ввиду значительного разброса по длине рассказов во всех группах было принято решение ограничиться рассмотрением результатов простой встречаемости контент-категорий в каждой из групп. Как длина рассказа, так и количество категорий не учитывались: если категория встретилась хотя бы один раз, считается, что рассказ ее содержит. Такая практика предлагалась, например, Винтером (Winter D., 1973): в условиях значительного разброса текстов по объему она представляется вполне оправданной, по крайней мере, не может быть отмечено наличие сомнительных связей (табл. 1).

Таблица 1. Встречаемость контент-категорий в текстах незрячих и зрячих, %.

Группы vs. Категории контента	УТ	ООПЗ	НЭ	ПЭ	ПС	Сп	БЧП	БЧН	Аф	АфН	С	ОС	ОИТ	У
Незрячие	25	11	56	75	27	11	60	19	36	14	20	15	12	19
Зрячие	0	0	55	60	25	9	17	9	57	18	28	25	15	7

По факту простой встречаемости категорий можно с уверенностью говорить лишь о том, что более часто в текстах незрячих встречаются категории «близкий человек – позитив» (БЧП) ($p < 0,001$, по статистике $2\arcsin\sqrt{P\%}$), «положительные эмоции» ($p = 0,0146$) и «близкий человек – негатив» (БЧН) ($p = 0,0267$).

Разделение обеих групп по половому признаку обнаружило дополнительные особенности (табл. 2).

Таблица 2. Встречаемость контент-категорий в текстах зрячих и незрячих женщин и мужчин, %.

Группы vs. Категории контента	УТ	ООПЗ	НЭ	ПЭ	ПС	Сп	БЧП	БЧН	Аф	АфН	С	ОС	ОИТ	У
Незрячие Ж	24	13	62	80	2	16	69	16	36	13	31	24	16	22
Незрячие М	25	9	51	70	2	7	53	21	37	14	11	7	12	16
Зрячие Ж	0	0	60	56	1	9	14	16	63	16	19	14	23	28
Зрячие М	0	0	50	63	3	9	20	2	52	20	37	35	7	7

Значительный показатель по стрессу и описанию стрессов среди зрячих мужчин объясняется тем, что они довольно часто описывают рискованные приключения, в которые, в отличие от незрячих, они попали по своей собственной инициативе: гонки на автомобилях по ледяным трассам, горные восхождения, катание на сноуборде и т. п. У незрячих женщин

«стресс» – это, например, потеря ориентации, а также такие события, как проблемные роды и т. п. Как зрячие, так и незрячие женщины довольно часто рассказывают об утрате дорогих людей, питомцев, а также о каких-либо травмах, оставивших след на всю жизнь. Зрячие мужчины упоминают о травмах реже незрячих мужчин, однако не на конвенциональном уровне значимости ($p=0,827$). Вместе с тем зрячие мужчины значимо реже (в 4 раза!) упоминают о потерях и травмах и описывают их, нежели зрячие женщины.

Таким образом, можно констатировать, что как на выборке зрячих, так и на выборке незрячих в вербализации травматических содержаний проявляются явные гендерные различия.

Влияние характера травмы и различия между группами незрячих мужчин и женщин

Согласно исходной гипотезе, на выражение в тексте травматических содержаний влияют как объективные факторы – тяжесть травмы, длительность травмы, так и субъективные – личностные черты. Ожидаемой картиной в отношении объективных факторов являлось, что наиболее сильно травматизация выражена в рассказах лиц, утративших зрение в сознательном возрасте и при этом полностью. Лица, утратившие зрение частично и болеющие практически с рождения, должны показывать меньшие значения по шкалам, регистрирующим травматизацию. Результаты показали серьезные различия между группами незрячих женщин и мужчин. В то же время для женской выборки результаты могут рассматриваться как подтверждающие исходную гипотезу только в отношении категорий «упоминания травмы» (УТ), «стресса» (С) и «утрат» (У) (табл. 3).

Таблица 3. Встречаемость контент-категорий травматизации в подгруппах женской выборки незрячих, %.

Подгруппы vs. Категории контента	УТ	ООПЗ	С	ОС	ОИТ	У
Без остатка	44	19	38	19	19	31
Без остатка с рождения	13	0	33	33	7	13
С остатком	20	30	20	20	20	20
С остатком с рождения	0	0	0	0	25	25

Для мужской выборки гипотеза верна только в отношении «упоминания утрат» (У) (табл. 4).

Таблица 4. Встречаемость контент-категорий травматизации в подгруппах мужской выборки незрячих, %.

Подгруппы vs. Категории контента	УТ	ООПЗ	С	ОС	ОИТ	У
Без остатка	25	13	6	0	25	31
Без остатка с рождения	33	8	8	0	8	17
С остатком	18	5	14	14	9	9
С остатком с рождения	29	14	14	14	0	0

Этот результат позволяет сделать уверенный вывод, что собственно вербализация травмирующих переживаний определяется в основном психологическими переменными, а также, что детерминанты этого процесса у женщин и мужчин могут существенно различаться.

С целью более углубленного рассмотрения этих особенностей был предпринят корреляционный анализ отдельно мужской и отдельно женской выборок незрячих. Здесь и далее в корреляционном анализе со стороны контент-аналитических шкал участвовали результаты, рассчитанные по формуле Готтшалка. Было решено остановиться именно на таком варианте в связи с тем, что разброс по объему рассказов внутри групп был меньше, чем между группами. Кроме того, объем текста также был включен в корреляционный анализ в качестве одной из переменных.

Корреляции шкал опросникового и контент-аналитического тестов с возрастом и длительностью травмы оказались полностью различными для женской и мужской выборок незрячих. Ни одна из корреляций не вошла в оба списка в качестве значимой (табл. 5 и 6).

Таблица 5. Значимые корреляции (выделены жирным) теста Клонинджера со значениями контент-аналитических шкал на выборке незрячих женщин.

Шкалы опросника vs. Демографические данные	Возраст	Длит. травмы
Возраст	1,00	0,35
С4	0,29	0,35
Ст3	0,01	-0,31
ПЭ	-0,32	-0,13
Аф	-0,01	0,38

Таблица 6. Значимые корреляции (выделены жирным) теста Клонинджера со значениями контент-аналитических шкал на выборке незрячих мужчин.

Шкалы опросника vs. Демографические данные	Возраст	Длит. травмы
ИО общ	0,31	0,37
ЗП общ	0,30	0,09
СТ общ	0,28	-0,01
ПН 1	-0,22	-0,33
ИО 1	0,17	0,28
ИО 2	0,31	0,22
ИО 3	0,26	0,35
ЗП 1	0,32	0,10
С 1	-0,31	-0,25
СТ 2	0,38	-0,04

У женщин с большей длительностью травмы более выражены «самопринятие» С4 и «аффилиация» (Аф) и при этом менее выражена «вера в сверхъестественное» (Ст3). С возрастом также сокращается упоминание о положительных эмоциях (ПЭ).

У мужчин существенно больше корреляций с возрастом. С возрастом увеличиваются «избегание опасности» (ИО общ) и такие его субшкалы, как «страх неопределенности» (ИО2) и «застенчивость с незнакомыми» (ИО3), также увеличивается «сентиментальность» (ЗП1) и уменьшается «ответственность» (С1). Возрастает «сопереживание всему миру» (СТ2). При этом длительность травмы отрицательно влияет на «любопытность» (ПН1) и положительно на «тревогу о будущем» (ИО2). А на «застенчивость с незнакомыми» (ИО3) положительно влияют и возраст, и длительность травмы.

Получается, что возраст и время, проходящее с момента травмы, «учат» женщин и мужчин различным вещам: женщин – становиться более реалистичными и проявлять любовь и доброту, а мужчин – быть более осмотрительными и менее любопытными. При этом если общий вектор этого влияния на женщин направлен скорее в сторону адаптации, то на мужчин скорее в сторону дезадаптации.

Различия в паттернах женского и мужского поведения более наглядно видны при рассмотрении корреляций между опросниковыми и контент-аналитическими шкалами на женской и мужской выборках незрячих. Выявленные корреляционные связи между опросниковыми и контент-аналитическими шкалами на выборке незрячих женщин представлены в табл. 7 и 8.

Таблица 7. Значимые корреляции (выделены жирным) между результатами по опросниковым и контент-аналитическим шкалам на совокупной выборке незрячих женщин.

Категории контента vs. Шкалы опросника	ИО 2	ИО 3	ИО 4	ЗП 1	С 1	С 4	СТ 1	СТ 3
УТ	0,16	0,08	0,33	-0,14	-0,18	0,22	0,17	0,26
ПЭ	0,02	-0,06	-0,35	0,19	0,15	-0,02	0,13	0,11
СП	0,25	0,09	0,21	0,30	-0,17	-0,07	0,29	0,27
БЧН	0,26	0,15	0,13	0,15	-0,35	-0,04	0,35	0,00
Аф	-0,36	-0,03	-0,12	-0,16	0,16	0,34	0,01	-0,20
ОС	0,23	0,33	-0,02	0,20	-0,15	-0,14	0,12	-0,36

«Упоминание травмы» (УТ) положительно коррелирует с «соматопсихической хрупкостью» (ИО4), в то время как «положительные эмоции» (ПЭ) связаны с данной шкалой негативно; и то и другое вполне ожидаемо и, в общем, тривиально. «Сентиментальность» (ЗП1) буквально на самой границе значимости оказалась связанной с «самоподбадриванием» (СП), – возможно, это артефакт.

«Описание стресса» (ОС) положительно коррелирует с «застенчивостью с чужими» (ИО3) и отрицательно коррелирует с «верой в сверхъестественное» (СТ3). Психологический механизм, стоящий за этими связями, не представляется в настоящее время понятным, возможно, это также артефакт, поскольку кодировка этой категории сталкивается с определенными трудностями (см. ниже).

Наиболее интересной и значимой представляется положительная связь между «самопринятием» (С4) и «аффилиацией» (Аф) и негативная между «аффилиацией» и «страхом неопределенности» (ИО2). Однако, поскольку «самопринятие» (С4) оказалось также и в центре паттерна корреляций мужской выборки, целесообразно рассмотреть эту шкалу позднее и в сопоставлении женских и мужских стратегий совладания с травмой.

Таблица 8. Значимые корреляции (выделены жирным) между результатами по опросниковым и контент-аналитическим шкалам на совокупной выборке незрячих женщин.

Категории контента vs. Шкалы опросника	ЗП общ	СТ общ	ЗП 2	С 4	СТ 1
БЧП	0,29	0,05	0,30	-0,02	0,05
С	0,03	-0,16	-0,06	0,27	-0,17
ОИТ	-0,07	-0,28	-0,12	0,38	-0,35
У	0,00	-0,18	-0,06	0,37	-0,22
N слов	0,05	0,26	0,07	-0,25	0,27

У мужчин контент-аналитическая шкала «близкий человек – позитив» (БЧП) оказалась связана с «привязчивостью к друзьям» (ЗП2) и через нее с общей шкалой «зависимости от поощрения» (ЗП общ). «Описание иной травмы» негативно коррелирует с «самозабвением» (СТ1) и через нее с обобщенной шкалой «самотрансцендентности» (СТ общ). Центральное место в принципах влияния личностных черт на вербализацию травматического содержания у мужчин занимает, как представляется, связь между «самопринятием» (С4), «упоминанием о стрессе» (С), «описанием иной травмы» (ОИТ) и «упоминанием об иной травме» (У). Стоит вспомнить, что последние две темы особенно нелюбимы мужчинами: незрячие мужчины упоминают о них на четверть меньше, чем незрячие женщины, а зрячие мужчины в целых 4 раза реже, чем зрячие женщины (см. табл. 2)!

Сущность шкалы «самопринятие» опросника Клонинджера – своего рода «антинарциссизм». Она состоит из вопросов типа «я хотел бы быть самым красивым в мире», «жить вечно» и т. п. Отрицательные ответы на эти вопросы суммируются, и по ним делается заключение о самопринятии, т. е. принятии человеком реалистического образа себя в мире. Использование слова «нарциссизм» не означает симпатии с нашей стороны к мифологии психоанализа или далеко не свободным от ее влияния построениям Кохута. Как не удивительно, но с тем же успехом «нарциссизмом» можно обозначить и «мотив власти» по МакКлелланду (McClelland, 1975). Действительно, в наиболее общей формулировке этот мотив звучит как «feel stronger» – «чувствовать себя сильнее». Именно так, не быть объективно сильнее, а всего лишь чувствовать себя таковым. Надо заметить, что контент-аналитические шкалы, предложенные для измерения этого мотива Винтером (Winter, 1973), представляются нам настолько локальными и неадекватными для текстов данной выборки, что мы не пытались регистрировать наличие данного мотива с их помощью. Итак, чем больше человек отдается «нарцисстическому» стремлению чувствовать себя сильнее, тем больше он склонен игнорировать печальную реальность своего существования. Соответственно, чем в большей степени он готов ее принять, тем больше реализуется его потребность рас-

сказать о постигших его травмах и утратах. Однако если для мужчин преодоление нарциссизма означает, так сказать, расставание с «мачоизмом» и не несет в себе положительного содержания, для женщин оно связано с проявлением любви и доброты и позволяет преодолеть «страх неопределенности» (ИО2) (см. табл. 7). Получается, что женщины нашей выборки на практике следуют принципу Иоанна Богослова «любовь изгоняет страх».

Связь между контент-аналитическими шкалами

Как на мужской, так и на женской выборках отмечено большое количество высокозначимых корреляций между различными контент-аналитическими шкалами. В целях большей репрезентативности приведем корреляции, полученные для общей выборки незрячих (мужчин и женщин вместе).

Корреляционный анализ показывает, что упоминания о травме и рассказ об обстоятельствах потери зрения связаны с другими контент-аналитическими категориями следующим образом (в табл. 9 указаны корреляционные связи по Спирмену со значимостью $p > 0,05$).

Таблица 9. Связь между вербализацией травматических содержаний, связанных с потерей зрения, и остальными контент-аналитическими шкалами на совокупной выборке незрячих женщин и мужчин.

Категории контента vs. Категории контента	ПЭ	НЭ	ПС	СП	БЧП	БЧН	Аф	АфН	С	ОС	ОИТ	У
УТ	н.з.	0,27	0,22	0,45	0,28	0,43	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	0,29	0,28
ООПЗ	н.з.	0,22	0,28	0,51	0,22	0,31	н.з.	0,28	0,27	0,38	0,62	0,52

Об общей валидности кодировки свидетельствует прежде всего отсутствие значимых корреляций между шкалами «упоминание травмы» (УТ), «описание обстоятельств потери зрения» (ООПЗ) и «положительные эмоции» (ПЭ), при одновременной значимой корреляции с «негативными эмоциями» (НЭ). Об этом же свидетельствуют и большие корреляции этих шкал со шкалой «близкий человек – негатив» (БЧН), нежели с «близкий человек – позитив» (БЧП). Неожиданно высокие значения корреляции обнаружены у шкал вербализации травмы с «самоподбадриванием» (СП) и существенно меньшие с «поглощающими состояниями» (ПС). Самоподбадривание, таким образом, вполне может служить индикатором того, что человек активно пытается совладать с травмой. Поглощающие состояния были операционализированы в данном исследовании слишком абстрактно. В целях упрощения в них были объединены (хотя первоначально кодировались отдельно) и активные состояния, например, деятельность по освоению каких-либо новых областей и пассивное «растворение» в музыке, природе, воспоминаниях, мечтах, религиозных и мистических состояниях.

В целом по результатам и корреляционного анализа, и сравнения групп можно сказать, что «стресс» и «описание стресса» едва ли могут рассматриваться в качестве субшкал травматизации в том виде, в каком они сейчас регистрируются нами. По крайней мере, у мужчин обе эти категории вполне могут оказываться проявлением «мачоизма».

К пониманию гендерных различий в вербализации травматических содержаний

В связи с гендерными различиями, обнаруженными в нашем исследовании, интересными представляются многочисленные теоретические и эмпирические наработки МакКлелланда, сделанные им в работе «Power: the inner experience» (McClelland, 1975). В частности, он вслед за Мюрреем (Murray, 1955) выделяет комплекс Икара как паттерн, характерный для мужской реализации мотива власти, и дополняет его комплексом Деметры–Персефоны – паттерном реализации этого мотива, характерным для женщин (McClelland, 1975, p. 96–104). Для мужчин, по мысли этих авторов, характерна сначала подготовка и реализация целенаправленной деятельности, осуществление некоего проекта (изготовление крыльев для перелета с острова), достижения пика возможностей, полный контроль за ситуацией (полет к солнцу) и затем постепенная или катастрофическая потеря контроля (расплавление крыльев, скрепленных воском, и падение в море). Для женщин характерно сперва претерпевание некой «депривации», попадание в неконтролируемое ею окружение (похищение Персефоны царем ада) и затем постепенное обретение ресурсов и сил для контроля этого окружения (ежегодное возвращение Персефоны к матери). МакКлелланд также подчеркивает, что для женщин характерна реализация мотива власти через дарение и разделение ресурсов. И далее он проводит параллели между женским отношением к власти и традиционной культурой Индии и мужским (икарианским) комплексом и традиционной культурой Мексики с ее центральным образом «мачо» (McClelland, 1975, ch. 4, 5).

В качестве эмпирического подтверждения существования данных комплексов МакКлелланд ссылается на работу Мэя (May, 1966). По данным этого исследователя, в 70 % женских рассказов по картинке, на которой изображены воздушные гимнасты – мужчина и женщина, тяжелые переживания (deprivation) предшествовали улучшению (enhancement). Женщина спасает мужчину, которому грозит опасность, либо испытывает страх, но затем успокаивается, чувствует уверенность и т. п. В мужских рассказах такая последовательность наблюдалась лишь в 32 % случаев, а преобладала противоположная: после блестящего выступления все заканчивается плохо – гимнасты упадут, разобьются, расстанутся, опозорятся и т. д. (McClelland, 1975; p. 100–101). На нашей выборке успешное совладание со стрессом характерно скорее для мужских рассказов, но, возможно, это проявление различий в инструкции (у нас – рассказать о самом запомнившемся своем переживании). Какой же «мачо» станет рассказывать про свои неудачи!

Перспективы исследований

Наиболее актуальной задачей для данных исследований видится преодоление влияния побочного фактора малой длины рассказов в группе незрячих. Длина «детских» (т. е. полученных с инструкцией Адлера – «опишите самое раннее детское воспоминание») рассказов еще меньше, их заведомо невозможно анализировать по формуле Готтшалка. Планируется также переход к регистрации описаний непосредственно по словам, а не по весьма условным «предложениям», длина которых может существенно меняться. Препятствием на этом пути являются различия между текстами, в которых присутствуют описания, и текстами, в которых они отсутствуют, различия слишком большие, чтобы можно было использовать эти тексты совместно в корреляционном анализе. Самих же текстов, в которых имеются описания, все же весьма мало в каждой из групп, так что для достижения репрезентативно-

сти придется объединять несколько групп, например, всех зрячих и всех незрячих женщин, сделавших описания, относящиеся к той или иной содержательной категории, всех зрячих и незрячих мужчин и т. д. Предполагается также уделить большее внимание сравнению по тесту Клонинджера групп испытуемых, представивших описания травматических событий и не сделавших этого.

Наконец, отдельным и наиболее перспективным направлением дальнейших исследований нам видится разработка и применение методов структурного контент-анализа, позволяющих рассматривать соседство категорий в тексте вместо их обобщенной представленности в абстрактной единице речевой продукции.

Выводы

1. Предложены шкалы контент-анализа, регистрирующие вербализацию травматических переживаний. Валидность выделения данных шкал проверена на группах зрячих и незрячих. Показана оправданность выделения шкал «*утраты*», «*описания иной травмы*» и «*самоподбадривания*» для регистрации травматизации. При этом показано, что упоминание о стрессах и описание стрессов скорее всего не связаны с травматизацией.

2. Обнаружено существенное влияние гендерных (в сочетании с культурными) особенностей на вербализацию травматических содержаний.

3. Теоретические конструкторы «комплекса Икара» и «комплекса Деметры – Персефоны» представляются перспективными в контексте дальнейших исследований гендерных различий.

4. Является актуальным развитие методов и стратегий контент-аналитического исследования в направлении преодоления влияния побочного фактора малого количества слов в анализируемых рассказах.

Литература

- Алмаев Н. А., Малкова Г. Ю. Контент-аналитическое исследование личности // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 19–42.
- Алмаев Н. А., Островская Л. Д. Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычную выборке // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 77–86.
- Додонова Н. А. Диагностическое значение лексико-семантических и морфологических особенностей речи больных невротами. М., 1988.
- Ласко М. В., Резвицкая Ж. И. Определение эмоционального состояния методом контент-анализа речи // Речь и эмоции. Л., 1975.
- Люборски Л., Люборски Э. Объективные методы измерения переноса // Иностранная психология. 1996. № 7.
- Спивак Д. Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л.: Наука, 1989.
- Хоровитц М. Д., Илс Т. Д. Использование моделей речевых отношений для описания клинических случаев // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 30–38.
- Gottschalk L. A., Gleser G. C. The Measurement of Psychological States through the Content Analysis of Verbal Behavior. Berkely: University of Californian Press, 1969.
- Lasswell H. D. Verbal reference and physiological changes during the psychoanalytic interviews // Psychoanalytical Review. 1935. Vol. 22. P. 10–24.
- May R. R. Sex differences in fantasy patterns // Journal of Projective Techniques and Personality Assessment. 1966. Т. 30. P. 576–586.
- McClelland D. Power: The Inner Experience. Irvington Publishers, Inc., N.Y., 1975.

Murray H. A. Thematic Apperception Test Manual. Cambridge: Harvard University Press, 1943.

Murray H. A. American Icarus // Clinical Studies of Personality / Burton A., Harris R. E. (Eds.). N.Y.: Harper and Row, 1955.

Winter D. G. The Power Motive. New York: The Free Press, 1973.

SIGNS OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN AUTOBIOGRAPHICAL ACCOUNTS

ALMAYEV N. A., Institute of Psychology RAS, Moscow

MALKOVA G. YU., Institute of Psychology RAS, Moscow

DORODNEV A. B., Institute of Psychology SUFH, Moscow

This study is dedicated to the investigation of the psychological characteristics of first-hand descriptions of traumatic events, based on a comparative analysis between a sample of 102 non-sighted subjects and a corresponding control group of sighted participants. During the preliminary stages of the analysis of autobiographical accounts of non-sighted subjects, certain content-analysis categories were determined which presumably identify the presence of psychological trauma. These relate to remembrances and descriptions of loss of sight, remembrances and descriptions of significant losses, remembrances and descriptions of stresses, and also remembrances of positive and negative developments in relationships with loved ones, positive and negative emotions, affiliations, frustrated affiliations, self-reassurance and absorptive states. All subjects also completed Cloninger's TCI questionnaire (adapted to the Russian sampling).

Within the course of the investigation, significant differences were observed on the basis of subject gender, both in the autobiographical descriptions and in the questionnaire. A very important variable, displayed in the verbalizations of traumatic situations between the two groups, was «self-acceptance». If for most men in this study, traumatic events signified sensitization, and did not carry much positive content, most women responded that experienced trauma was a stimulus for the manifestation of affiliations (the works of numerous authors on the Icarus and Demeter–Persephone complexes could provide the basis for further understanding of this gender difference). The results obtained in this study demonstrate that remembrances and descriptions of loss, trauma, negative developments with loved ones and self-reassurance could be seen as signs of psychological trauma, while remembrances and descriptions of stresses which lead to a satisfactory result do not represent such.

Keywords: content-analysis, Cloninger TCI, blind people, gender differences, Icarus complex, Demeter–Persephone complex.

Transliteration of the Russian references

Almayev N. A., Malkova G. Yu. Content-analiticheskoye issledovanie lichnosti // Psychologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2006. T. 3. № 1. S. 19–42.

Almayev N. A., Ostrovskaya L. D. Adaptatsiya oprosnika Temperamenta i Charactera Cloninger'a na russkoyazychnoy vyborke // Psychologicheskij zhurnal. 2005. T. 26. № 6. S. 77–86.

Dodonova N. A. Diagnosticheskoye znachenije leksiko-semanticheskikh i morfologicheskikh osobennostey rechi bolnyh nevrozami. M., 1988.

Lasko M. V., Rezvitskaya Zh. I. Opredeleniye emotsionalnogo sostoyaniya metodom content-analisa rechi // Rech i emotsii. L., 1975.

Luborsky L., Lyborsky E. Objektivnye metody izmereniya perenosa // Inostrannay psychologia. 1996. № 7.

Spivak D. L. Yazyk pri izmenennyh sostoyaniyah soznaniya. L: Nauka, 1989.

Horovits M. D., Ils T. D. Ispolzovaniye modelei rechevyh otnosheniy dlya opisaniya klinicheskikh sluchayev // Inostrannay psychologia. 1996. № 7. S. 30–38.